

Хахалкина Е. В.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ - ВЫЗОВ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (1956-1959 ГГ.)?

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 147-151. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

вору ренты», т.е. на основании этого договора. Ведь если бы передача имущества осуществлялась до заключения договора ренты, то самим этим договором предусматривалась бы не передача, а лишь упоминание о последней как об уже осуществленной. Характер формулировки определения понятия договора ренты свидетельствует о том, что в момент его заключения имущество еще не было передано плательщику ренты. В ГК РФ сказано, что получатель ренты «передает» право собственности на имущество, т.е. фактически действие еще не совершилось. Иначе бы, ст. 583 ГК РФ строилась бы подобно ст. 886 ГК РФ, которая раскрывает понятие договора хранения, имеющего реальный характер: «По договору хранения одна сторона обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной, и возвратить эту вещь в сохранности». То же самое имеет место в отношении договора банковского вклада [Бахарева, с. 30].

Более того, ни одна из норм гл. 33 ГК РФ не требует передачи имущества как необходимого действия для заключения договора, т.е. не содержит ссылок на п. 2 ст. 433 ГК РФ. Также гл. 33 ГК РФ не содержит положения, которые бы в случае непередачи имущества признавали договор незаключенным, как это имеет место при регулировании правоотношений, возникающих из договора займа (ст. 807, 812 ГК РФ).

Отсюда, передача права собственности на имущество, являющееся предметом договора ренты, возможна только после его заключения. На основании вышеизложенного, следует различать две ситуации: когда получателем ренты передается в собственность плательщика ренты движимое имущество и когда – недвижимость. В первом случае договор ренты будет признаваться заключенным после его нотариального удостоверения, независимо от того, когда будет передано имущество, поскольку после нотариального удостоверения договор будет отвечать всем требованиям ст. 432 ГК РФ: это будет соглашение сторон, выраженное в требуемой законом форме; гл. 33 ГК РФ не содержит требований о передаче имущества как необходимого действия для заключения договора.

Договор ренты, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества, признается заключенным с момента его государственной регистрации, но не с момента государственной регистрации перехода права собственности на соответствующее недвижимое имущество.

Если получатель ренты передаст недвижимое имущество до государственной регистрации перехода права собственности на него, он не будет считаться исполнившим свое обязательство по договору, т.к. перенесет на плательщика ренты лишь риск случайной гибели этого имущества в соответствии со ст. 459 ГК РФ на основании п. 2 ст. 585 ГК РФ (которая также будет применяться при безвозмездной передаче имущества согласно ст. 6 ГК РФ по аналогии). Переход же права собственности на имущество произойдет именно в момент его государственной регистрации на основании ст. 223 ГК РФ [Уткин, с. 3].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что, несмотря на стремление законодателя придать договору ренты реальный характер, при определении его понятия в ст. 583 ГК РФ, договор ренты имеет консенсуальную природу, а неопределенность слова «передает» порождает различные противоречивые мнения о его юридическом значении. В связи с этим договор ренты считается заключенным и обязательства, вытекающие из него, возникают с момента нотариального удостоверения или государственной регистрации.

Список литературы

- Бахарева Ю. В.** О правовой природе договора ренты // Юридический мир. 2001. № 12.
Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: Статут, 2003. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 5-й завод. 800 с.
Воронин А. А. Понятие и содержание рентных отношений по ГК РФ (теоретические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 25 с.
Ем В. С. Договор ренты // Законодательство. 1998. № 5. С. 8-19.
Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 425 с.
Княшко В. Реальные (консенсуальные) договоры в гражданском обороте // Право и экономика. 2004. № 5. С. 34-36.
Лиджиева О. Н. Содержание рентных отношений // Гражданин и право. 2003. № 5. С. 114-121.
Мамаев А. Противоречивость конструкции договора ренты // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 17-18.
Нерсисян К. Г. Рента: комментарий специалиста // Независимая газета. 1998. 9 октября.
Тарасенкова А. Н. Квартирный вопрос: наследование, дарение, рента // Библиотечка российской газеты. 2003. № 20. С. 98-193.
Уткин Б. Обязательная регистрация // Эж-ЮРИСТ. 2004. № 9. Март.
Цыбуленко З. Рента и пожизненное содержание с иждивением // Российская юстиция. 1997. № 6.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ВЫЗОВ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (1956-1959 ГГ.)?

Хахалкина Е. В.
Томский государственный университет

Отечественные и зарубежные историки называют Суэцкий кризис рубежной датой в британской истории XX в. Действительно, последствия тройственной англо-франко-израильской агрессии имели глубокие последствия для всего внешнеполитического курса Соединенного Королевства. Консерваторы скорректиро-

вали свои подходы по так называемым «трем окружностям» британской политики, концепцию которых У. Черчилль сформулировал еще в 1943 г. В рамках этой концепции «трех сфер» были пересмотрены основы англо-американского сотрудничества, европейских дел и колониального курса страны. Пришедший на смену Антони Идену новый премьер-министр Г. Макмиллан одним из приоритетов своей политики видел укрепление позиций Великобритании в Европе, в том числе в сфере европейской интеграции, набравшей обороты после конференции в Мессине 1955 г. Тогда А. Иден, занятый ближневосточными делами, в сущности, проигнорировал эту встречу 6 государств-основателей Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Однако именно на этой встрече Шестерка (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) приняла решение о начале разработки проектов экономического сообщества и сообщества по атомной энергии.

В этих условиях одним из первых шагов Г. Макмиллана на посту премьер-министра стало выдвижение альтернативного плана – «великого проекта» – создания на широкой межправительственной основе международной организации с Великобританией в качестве лидера. Реализация этого плана была призвана разрешить трудности страны в трех сферах британской политики – англо-американских «особых» отношениях, в связях с Содружеством и европейских делах.

Надо сказать, что британская внешнеполитическая традиция в отношении Европы предполагала участие страны в европейских делах в качестве своеобразного арбитра, контролирующего происходящие на континенте процессы [Трухановский, 1957, с. 6-7]. Интеграционные устремления шести западноевропейских государств вызывали опасение британского руководства в связи с тем, что они могли привести к ослаблению позиций Великобритании не только в отношениях с Западной Европой, но и с Соединенными Штатами.

Важным фактором, повлиявшим на корректировку подходов правительства Великобритании к формированию европейской политики было изменение после Второй мировой войны хозяйственной структуры западноевропейского региона и мира в целом. Именно поэтому, считали эксперты, к началу 1957 г. Лондон столкнулся с проблемами в платежном балансе страны и с падением темпов экономического роста [Aldcroft, p. 162-163, 180-181, 190, 197, 199]. За период с 1950 по 1955 гг. доля страны в мировой торговле упала с 25% до 20% [Young, p. 58].

Основа плана под громким названием «великий проект» была разработана еще в 1956 г. и в начале января 1957 г. была представлена кабинету министров министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом. В документе, состоявшем из трех частей, излагался план по созданию военно-политического и экономического союза Лондона с европейскими странами. Первая часть проекта была посвящена рассмотрению возможности создания военно-политического объединения европейских стран на основе Западноевропейского союза (ЗЕС), в который входили Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург. Главный акцент в этой части проекта был сделан на развитии атомной программы Лондона. Средством привлечения материальных, финансовых и технических ресурсов государств-членов ЗЕС, британские правящие круги рассчитывали начать выполнение программы создания мегатонной бомбы и всех средств ее доставки к цели. Другие страны-участницы будущей военно-политической ассоциации, в свою очередь, через сотрудничество с Лондоном в атомной сфере, могли рассчитывать на получение доступа к технической информации создания ядерного оружия [BDEE, p. 102-103].

Планы развития британской атомной промышленности, представленные в «великом проекте», соответствовали логике изменения военной доктрины Лондона. В Белой книге 1957 г. отмечалась приоритетность развития ядерного потенциала страны как основного элемента новой доктрины, и в связи с этим выдвигались предложения об отмене обязательной воинской повинности и введении вместо нее комплектования вооруженных сил по найму [Трухановский, 1985, с. 103-104].

Развитие военного сотрудничества стран-участниц ЗЕС, как полагали в Форин офис, на практике могло привести к созданию политической ассоциации. Тем более что германский вопрос можно было решить кардинально только посредством включения ФРГ в создаваемые наднациональные структуры [BDEE, p. 102-103]. Результатом осуществления такой модели интеграции, как полагали в Лондоне, могло стать создание так называемой «третьей силы», приближающейся по мощи к Соединенным Штатам и Советскому Союзу [Пелипась, с. 349].

Совпадение времени появления «великого проекта» с подготовкой странами так называемой Шестерки договоров о создании ЕЭС и Евратома давало основания считать, что британские правящие круги рассматривали такое развитие интеграции западноевропейских государств как угрозу влиянию страны в Европе [Евратом, с. 51-52].

Реакция кабинета министров на проект С. Ллойда носила неоднозначный характер. На заседании кабинета 9 января 1957 г. против него выступили министр обороны и министр по делам Содружества. На заседании кабинета были высказаны сомнения по поводу своевременности выдвижения «великого проекта», военно-политический аспект которого после провала плана Европейского Оборонительного Сообщества (ЕОС) в 1954 г. имел мало шансов на реализацию в конце 1950-х гг. В то же время члены кабинета подчеркнули важность участия страны в экономической интеграции с государствами Западной Европы. Осуществление этой идеи, которая являлась развитием предложений, выдвинутых британским правительством в 1956 г. о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) в Западной Европе, могло содействовать, по мнению членов кабинета, решению многих задач. В частности, учреждение ЗСТ могло дать возможность Великобритании «построить новую модель взаимоотношений Лондона с американской администрацией и повысить престиж

консервативной партии как внутри страны, так и на международной арене посредством усиления, прежде всего, британских экономических позиций.

Активное внимание континентальных стран к идеям общего рынка и зоны свободной торговли, отмечалось на заседании кабинета министров, создавало необходимые условия для реализации британской инициативы экономической интеграции, которая в перспективе могла привести к захвату «политического лидерства» Великобританией в Западной Европе [BDEE, p. 108-110]. Исходя из этого, премьер-министр Г. Макмиллан предложил сосредоточить усилия британского правительства на той части «великого проекта», которая касалась реализации идеи ЗСТ.

Проект Г. Макмиллана отличался от плана шести государств двумя важными чертами. Во-первых, британский «великий проект» не предполагал установления единых тарифов в торговле с третьими странами, с тем, чтобы не нанести ущерб преференциальной торговле со странами Содружества. Во-вторых, Г. Макмиллан предлагал не включать в ЗСТ торговлю продукцией сельского хозяйства. Такая позиция Великобритании была обусловлена тем, что Лондон был связан со странами Содружества имперскими преференциями – предпочтительными тарифами, которые позволяли ввозить из этих стран сырье и продовольствие по сниженным ценам. Хотя после Второй мировой войны значение системы преференций постепенно сокращалось, что было связано со стремлением наиболее развитых государств-членов Содружества (Австралии, Новой Зеландии) развивать свою собственную промышленность и расширять торговые отношения с другими странами, в частности, США, поддержание экономических связей с бывшими колониями и доминионами по-прежнему имело важное значение для экономического развития Великобритании [Жигалов, с. 124]. Кроме того, в отличие от проекта стран Шестерки, британская зона свободной торговли должна была действовать в рамках ОЕЭС и согласно принципам Генерального Соглашения по Тарифам и Торговле (ГАТТ).

Первая реакция европейских стран на инициативы Лондона носила, казалось бы, благожелательный характер. Премьер-министр Великобритании, Г. Макмиллан, считал возможным инициировать переговоры по созданию ЗСТ уже в феврале 1957 г.

И действительно, в начале февраля 1957 г. на заседании Совета ОЕЭС было принято решение провести официальные переговоры о создании ЗСТ [Маклэйн, с. 122; Липов, с. 208]. Переговоры проходили в течение полутора лет вплоть до середины ноября 1958 г. Довольно быстро их участником стали очевидны труднопреодолимые разногласия по многим вопросам экономической, атомной и политической интеграции. Прежде всего, позиция Франции характеризовалась неопределенностью, что было связано со сложной внутриполитической ситуацией в стране и нерешенностью комплекса колониальных проблем [Мельчионни, с. 153].

Как собственно и предполагал Г. Макмиллан, позиции участников разошлись по вопросу выработки совместной политики в области торговли продуктами сельского хозяйства. В тактических целях Г. Макмиллан считал необходимым проводить переговоры по этому вопросу, но полагал, что усилия Лондона в ходе обсуждения проекта должны быть направлены на создание зоны торговли промышленными товарами. Ход переговоров показал отсутствие единства взглядов в правительственных кругах Великобритании, несмотря на мнение экономических экспертов о необходимости изменить структуру внешнеэкономических связей страны. В позиции членов британской делегации на переговорах явно прослеживалось стремление скорее избежать ослабления отношений со странами Содружества, чем развивать связи с Европой.

Со своей стороны страны Шестерки опасались, что ЗСТ может помешать созданию институтов ЕЭС, поскольку осуществление британской инициативы предполагало подчинение институтов ЕОУС, Общего Рынка и Евратома единой Ассамблее под эгидой ОЕЭС.

Дипломатия Соединенных Штатов внимательно следила за ходом переговоров между Великобританией и шестью странами. Документ, подготовленный госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом, детально изучившим «великий проект» Г. Макмиллана, отражал подозрения Вашингтона относительно мотивов европейской политики Лондона. Дж. Ф. Даллес выразил опасение, что усилия британского правительства по реализации ЗСТ, не предполагающей развития политического союза, могут способствовать «выхолащиванию» сути европейской интеграции. Госсекретарь в этой связи подчеркивал, что создание Общего рынка и Евратома имеет первостепенное значение для укрепления «атлантической конструкции НАТО» [FRUS, p. 535-536].

В начале марта 1957 г. переговоры стран Шестерки вступили в завершающую стадию. 25 марта 1957 г. в Риме представителями шести западноевропейских государств были подписаны договоры о создании ЕЭС и Евратома. Стало очевидно, что предположение британских правительственных экспертов о том, что провал в 1954 г. идеи ЕОС последовательно приведет к провалу других интеграционных идей западноевропейских стран, было ошибочным [George, p. 27]. Г. Макмиллан в апреле 1957 г. признал, что официальные переговоры в Париже о союзе между Общим рынком и ЗСТ могут зайти в тупик уже в конце мая [Winand, p. 115].

Основным упущением британской дипломатии на данном этапе была ничем не оправданная уверенность в способности убедить европейские страны отдать предпочтение плану создания зоны свободной торговли. Но оказалось, что высокие внешние тарифы и другие потенциально ограничительные меры в отношении третьих стран, устанавливаемые посредством создания Общего рынка, были гораздо более приемлемыми для экономических либералов внутри Сообщества, особенно в ФРГ и Голландии, чем идеи ЗСТ [Camps, p. 103].

Примечательно, что переговоры по созданию ЗСТ дали обратный ожидаемым британского руководства результат. Они способствовали ускорению интеграционных процессов в Европе в рамках модели, предполагающей создание наднациональных органов [Young, p. 64].

Вся важность и последствия подписания соглашений в Риме не сразу были осознаны британской элитой. Неизбежность перехода страны на положение региональной державы требовала осознания британским обществом [Англия на..., с. 46]. Определенное воздействие на мышление британских политических деятелей оказывало так называемое «островное мышление» [Стрежнева, с. 9]. Страны бывшей империи по-прежнему психологически воспринимались большей частью правительственных кругов и населения как «британские», чем государства Западной Европы [Кальвокоресси, с. 281].

Сложность ситуации заключалась в том, что Г. Макмиллану, по существу, можно было только изменить акценты в проекте ЗСТ, не меняя его сути. Великобритания не могла предложить европейским государствам ни установления единых тарифов в отношении третьих стран, ни существенных уступок в вопросе сельскохозяйственной политики.

Необходимость ратификации подписанных соглашений позволяла Г. Макмиллану «выиграть время» в вопросе осуществления проекта ЗСТ. Этому должно было способствовать также и то, что вопрос о сущности интеграции в экономической и атомной сферах долгое время оставался одним из самых дискутируемых в Западной Европе даже после подписания Римских договоров.

Г. Макмиллан отмечал в своих мемуарах, что вступление в силу Римских соглашений не символизировало провала переговоров по ЗСТ. Только к началу марта 1958 г. стало ясно, что вопросы сельскохозяйственной политики не были центральным пунктом разногласий. Неопределенность решения этих вопросов шестью странами в рамках Общего рынка отодвигала на задний план обсуждение этих проблем в ОЕЭС. Кроме того, стало явным нежелание Франции участвовать в дискуссиях по проблеме создания ЗСТ. Французская позиция определялась тем, что крупные производители опасались конкуренции не только западно-германской, но и британской продукции. Кроме того, в Четвертой Республике набирало силу движение федералистов, которые были обеспокоены политической составляющей европейской интеграции и стремились затормозить участие в ней Франции [Macmillan, p. 440-441].

Возвращение к власти во Франции генерала Ш. де Голля придало особую значимость европейской интеграции. Появление на политической сцене Франции человека, способного возглавить движение в сторону возвращения утраченного величия страны на международной арене и решить комплекс как внутренних, так и внешних проблем IV Республики, стало поворотным пунктом в отношениях двух государств [George, 1998, p. 7].

Лондон сталкивался в ходе проведения переговоров не только со сложностями в англо-французских отношениях, но и существенными различиями двух стран в подходах к европейской интеграции. С экономической точки зрения британский проект нивелировал торговые выгоды Франции, достичь которых предполагалось в рамках Общего рынка. В частности, камнем преткновения в переговорах оставался вопрос тарифной политики, поскольку Лондон продолжал отстаивать сохранение преференциальной системы со странами Содружества.

Тем не менее, все усилия премьер-министра в отношении Франции не дали положительных результатов. 14 ноября 1958 г. министр информации Франции Ж. Сустанель сделал официальное заявление, в котором отметил неприемлемый для Парижа характер проекта создания промышленной зоны свободной торговли. В заявлении говорилось о невозможности установления европейской торговой зоны по британской модели «без установления единого внешнего тарифа и гармонизации в экономической и социальной сферах» [Northedge, p. 319]. Политический подтекст отказа Парижа продолжать переговоры был очевиден британскому правительству. Европейское интеграционное движение давало президенту Ш. де Голлю возможность реализовать стремление восстановить престиж своей страны на мировой арене и стать лидером интеграционного процесса.

Процесс переговоров по ЗСТ в 1957-1958 гг. продемонстрировал двойственность подходов Г. Макмиллана к интеграционному движению. С одной стороны, британское правительство прилагало значительные усилия по продвижению концепции ЗСТ, с другой стороны, было не готово взять на себя долгосрочные обязательства на континенте. Сутью британского подхода к решению проблем европейской интеграции оставалось стремление если не возглавить интеграционный процесс, то, во всяком случае, затормозить его ход. Кроме того, Великобритания, выдвигая интеграционные проекты в отношении Западной Европы, преследовала цели обеспечения доступа своих колоний и государств Содружества на рынки западноевропейских стран, учитывая, что зависимые территории континентальных метрополий были включены в Общий рынок в качестве ассоциированных членов. Реализация подобных планов, как показало время, требовала от британского правительства внесения определенных изменений в европейскую политику страны.

Список литературы

Англия на постимперском пространстве: уроки для России и Европы // Доклады Института Европы. М., 2003. № 126.

Евратом: правовые проблемы. М., 1992.

Жигалов И. И. Современная история Великобритании (1945-1975 гг.). М., 1978.

Кальвокоресси П. Мировая политика. 1945-2000: в 2-х кн. М., 2003. Кн. 1.

Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца. М., 1972.

Липов С. Ю. Британский проект создания зоны свободной торговли в Европе и позиция госдепартамента США (1956-1958 гг.) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: сб. науч. ст. Барнаул, 1996.

Мельчионни М.-Г. Влияние Суэцкого кризиса на переговоры в Брюсселе // История европейской интеграции М., 1995.

Пелипась М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945-1956 гг. Томск, 2003.

Стрежнева М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты. М., 1988.

Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М., 1985.

Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии после Второй мировой войны. М., 1957.

Aldcroft D. H. The European Economy. 1914-1970. L., 1978 (Среди экономических трудностей, с которыми столкнулась Великобритания в 1950-е годы, экономисты называют низкий уровень промышленного роста, который составлял меньше половины уровня роста таких западноевропейских государств как ФРГ, Италия, Нидерланды, Франция, Австрия, низкий уровень экспортной торговли, периодические кризисы платежного баланса и инфляционные трудности. На фоне этих трудностей единственными «яркими пятнами» экономической ситуации страны, по мнению исследователей, была полная занятость и относительно высокий уровень жизни Великобритании в конце 1950-х гг. по сравнению с другими европейскими странами).

British Documents on the End of Empire (BDEE). L., 1994. Series A. Vol. 3. Part. 1. P. 102-103.

Camps M. Britain and the European Community, 1955-1963. New Jersey, 1964. P. 103.

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955-1957. Wash., 1986. Vol. IV. Western Security and Integration.

George S. An Awkward Partner: Britain in the European Community. N.Y., 1998.

Macmillan H. Riding the Storm. 1956-1959. L., 1971.

Northedge F. S. British Foreign Policy: The Process of Readjustment. 1945-1961. L., 1962.

Young J. W. Britain and the European Unity, 1945-1999. L., 2000.

Winand P. Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. N.Y., 1996.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЯХ

Хвастунова Ю. В.

Горно-Алтайский государственный университет

В настоящее время на территории РФ наблюдается вторая волна прозелитизма неопротестантизма. Имея совершенно иную модернизированную природу новые религиозные движения, особенно американского происхождения, легко вписываются в условия техногенной цивилизации, и сами являются носителями определенного рода проявлений массовой псевдокультуры. В анализируемых материалах ряда нетрадиционных религиозных организаций, содержатся побуждения граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей. В их текстах постоянно встречаются высказывания, приписывающие традиционным религиям роль пособничества сатанинским силам, губящим человечество. Так анализ литературы «Свидетелей Иеговы» ясно указывает на то, что широкая повседневная практика их деятельности происходит в уже заданном режиме манипуляций сознанием, сужения сознания, стрессовости, настороженной враждебности по отношению к миру, мировоззренческой дезориентации, подмены общества, его институтов и его норм структурами и нормами кланового культового характера. Организация Свидетели Иеговы резко отличается, согласно текстам, предложенным для анализа, жестким включением каждой личности в свою структуру с безусловным подчинением каждого члена руководству. При этом тексты Свидетелей Иеговы подчас затушевывают (не снимая в принципе) такие особенности своей организации, как: антихристианская и антигосударственная направленность.

Используется набор эффективных психологических методик: метод психологического давления, метод психического автоматизма, метод эксплуатации личных качеств адресата. В текстах также осуществляется методики, которые устанавливают косвенный запрет на конструктивное мышление, а стилистика текстов «Свидетелей Иеговы» насыщена элементами императивной, командной окраски, что поддерживает характеристику сообщества как организации, тяготеющей к военно-дисциплинарному типу объединения участников через устав службы, должностную инструкцию, приказ, команду и т.п. Используется стратегия многовекторного воздействия. Чаще всего применяются методы эриксоновского гипноза (М. Эриксон), которые не содержат прямых команд, что позволяет обходить возможное сопротивление слушателя и располагать его к себе. Это достигается за счет использования определенных речевых стратегий: трюизмов, вопросов-ярлыков типа "Не правда ли?", "Не так ли?", вопросов и утверждений, направленных на привлечение внимания, а также команд, скрытых в вопросах. Повсеместно применяется эриксоновская техника рассеивания (другое название - техника вставленных сообщений) - когда в любое письменное сообщение можно вставить скрытую информацию, специально выделяя нужные слова: другим размером шрифта, другим цветом, другим типом шрифта, особым значком.

Авторы журнальных статей ряда религиозных культов используют и прямые суггестивные команды: увещевания, наставления, приказы с возможной установкой - положительной: "Бог тебя наградит", отрицательной: "Бог тебя накажет". Суггестивные команды, используемые с воспитательными и иными целями, оказывают эффективное воздействие на прихожан «Общества сторожевой башни», в силу того, что последние обладают повышенной внушаемостью из-за постоянного пребывания в трансных состояниях различной глубины.

Наряду с научными методиками в таких организациях часто используются и методы примитивной магии.